

Калугина З.И.

Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2000. – 152 с.

Никулин Александр Михайлович

к.э.н., Интерцентр, МВШСЭН

E-mail: nik@msses.ru

Оглавление

От автора

Раздел I. Современная аграрная реформа в России: замыслы, идеи, тенденции.

Глава 1. Основные направления современной аграрной реформы.

Глава 2. Тенденции развития аграрной экономики в 1990-е годы.

Раздел II. Субъекты и акторы аграрных преобразований: интересы, взаимодействия, сферы влияния.

Глава 3. Становление субъектов хозяйствования локального уровня.

Глава 4. Роль региональных элит в аграрных преобразованиях.

Раздел III. Адаптация предприятий, семей и социальных групп к новым социально-экономическим условиям.

Глава 5. Адаптационные стратегии сельскохозяйственных предприятий и семей.

Глава 6. Адаптация социальных групп к новым условиям хозяйствования.

Раздел IV. Самоидентификация сельского населения в новом социально-экономическом пространстве.

Глава 7. Социальная структура в представлениях сельского населения: критерии и факторы категоризации.

Глава 8. Социальная идентификация сельского населения.

Итоги реформирования и перспективы аграрного сектора России (вместо заключения).

* * *

Данная книга является первым комплексным социологическим исследованием результатов аграрных реформ прошедшего десятилетия в России. Эмпирическая база книги: материалы социологического мониторинга хода аграрной реформы в регионах Сибири, материалы нескольких исследовательских проектов, осуществленных при финансовой поддержке российских и зарубежных фондов, данные государственной статистики. В предисловии автор отмечает, что в книге “результаты реформ оцениваются в человеческом измерении. Основная цель – проанализировать тенденции

развития реформируемого сектора и их последствия с позиций интересов разных социальных групп” (с. 5).

В первой главе рассматривается ситуация в аграрном секторе накануне реформы, приводятся сравнительные данные увеличивающегося отставания сельского хозяйства СССР от США, и отмечается, что в рамках существовавшей советской системы внедряемые социально-экономические новации, будь-то внутрихозяйственный расчет, различные виды подряда, интенсивные технологии не давали решающего, долговременного эффекта. Автор приходит к выводу, что “для радикального изменения ситуации необходимы были радикальные реформы” (с. 8). Далее автор излагает замыслы реформаторов, которые заключали в себе: проведение земельной реформы, реорганизацию колхозов и совхозов, развитие фермерских хозяйств.

Во второй главе анализируются тенденции развития российского сельского хозяйства 1990-х годов. Реорганизация коллективных хозяйств, по мнению автора, ощутимых положительных результатов не принесла, так как и объемы производства, и доля коллективных сельскохозяйственных предприятий в производстве продукции после их реорганизации неуклонно падает. Это иллюстрируется соответствующими статистическими данными.

Развитие фермерских хозяйств в 90-е годы также продемонстрировало неутешительную тенденцию. Число фермерских хозяйств, достигнув 280 тысяч в 1996-м году, в последующие годы стало сокращаться. В 1999 г. таких хозяйств было уже 270 тысяч. Фермерские хозяйства значительно различаются по размерам. Более 50% имеют земли менее 20 га и только 9% - более 100 га. Напомним, что для эффективного фермерского зернового хозяйства оптимум составляет примерно 300 га. Неудивительно, что производительность труда в фермерских хозяйствах также в целом невысока, а доля фермерских хозяйств в сельской продукции составляет всего лишь 2%.

Лишь развитие личных подсобных хозяйств в 1990-е годы продемонстрировало наибольший рост. Автор приводит соответствующие данные: в 1997 г. 16,4 млн. семей в России имели приусадебные участки общей площадью 5,9 млн. га или по 36 соток на семью. Помимо этого, 15,2 млн. семей имели земельные участки в коллективных и индивидуальных садах общей площадью 1,3 млн. га или по 8,2 соток на семью; в 1998 году в ЛПХ производилось 61% растениеводческой и 54% животноводческой продукции. В стране наблюдается обратный процесс перерегистрации фермерских хозяйств в ЛПХ. И, тем не менее, роль ЛПХ, по мнению З.И. Калугиной, неоднозначна, так как в современных условиях ЛПХ, как правило, развиваются в тесной связи с крупными хозяйствами (бывшими колхозами). А сама эта связь также весьма противоречива.

В заключение 2-й главы рассматривается влияние финансового кризиса 17 августа 1998 года на развитие аграрного сектора. Автор анализирует данные специального опроса экспертов и приходит к выводу, что “с одной стороны финансовый кризис резко сократил возможности хозяйствующих субъектов закупать импортную технику, а с другой - предоставил отечественным производителям уникальную возможность занять освободившуюся нишу на продовольственном рынке страны” (с. 23).

Второй раздел книги посвящен движущим силам трансформационного процесса в аграрной сфере. В третьей главе рассматривается становление субъектов хозяйствования на локальном уровне. Здесь автор специально анализирует генезис проблемы становления субъектов хозяйствования в контексте развития экономической свободы. З.И. Калугина предлагает соответствующую историко-социологическую

таблицу реформ, мер, результатов, влиявших на становление субъектов в сельском хозяйстве России. Данные таблицы автор комментирует следующим образом: “На протяжении многих десятилетий аграрный сектор России подвергался неоднократным преобразованиям, направленным на изменение системы социально-экономических отношений и расширение экономических свобод. Однако реальные результаты, как правило, были далеки от желаемых” (с. 31). Этот вывод автор в общем распространяет и на реформы 1990-х годов.

Далее специально исследуются механизмы формирования новых субъектов хозяйствования, к которым относятся изменения отношений собственности, институционализация новых форм хозяйствования, расширение экономических свобод. Отмечается, что основными социальными ограничителями экономической свободы субъектов хозяйствования в аграрном секторе в настоящее время являются: несоответствие действующих экономических и социальных институтов формирующимся экономическим отношениям; социальная практика (диспаритет цен, незащищенность прав собственника, утрата традиций сельской кооперации, низкий платежеспособный спрос населения); неадекватные модели поведения общественных групп в новом социально-экономическом пространстве; культурологические факторы.

Касаясь экономического сознания и поведения хозяйствующих субъектов, З.И. Калугина отмечает, что на селе продолжается отчуждение основных социальных групп от реформ. Так, по данным социологических опросов “до 40% сельского населения не поддерживают ни одно из направлений проводимых аграрных реформ. При этом большая часть сельского населения считает, что было бы лучше, если бы нынешних реформ не было вовсе и все оставалось так, как было до реформы” (с. 44-45). Также в той или иной степени преобладают консервативные мнения сельских жителей по вопросам о формах собственности и земле. Экономическое поведение хозяйствующих субъектов на селе автор характеризует в терминах Макса Вебера в основном как “традиционное” и “ценностно-рациональное”, хотя переход к рыночным отношениям, по мнению автора, требует доминирования “целерационального” экономического поведения.

В четвертой главе рассматривается роль региональных элит в аграрных преобразованиях: место межрегиональных ассоциаций, роль местных властей в регулировании аграрных отношений, материально-техническое оснащение АПК, регулирование продовольственных оптовых рынков, реформирование неплатежеспособных сельскохозяйственных предприятий.

В третьем разделе рассматривается адаптация сельского социума к новым социально-экономическим условиям. В пятой главе исследуются адаптационные стратегии сельскохозяйственных предприятий и семей. В формах адаптации предприятий выделяется несколько моделей стратегий:

1. Активная рыночная стратегия – конструктивная инновационная адаптация предприятия.
2. Традиционная хозяйственная стратегия – компенсационная адаптация предприятия.
3. Неадекватная (мимикрическая) хозяйственная стратегия – депривационная адаптация предприятия.
4. Пассивно-выжидательная хозяйственная стратегия – деструктивная разрушительная адаптация (дезадаптация) предприятия.

Все выделенные модели автор иллюстрирует соответствующими высказываниями руководителей предприятий и экономико-статистическими данными.

Обращаясь к стратегиям выживания сельских семей, автор исследует меры предпринимаемые работниками в случае задержки заработной платы, взаимодействие между адаптационными стратегиями предприятий и целевыми установками семей, динамикой материального положения семей.

В шестой главе специально исследуется адаптация двух сельских социальных групп к новым условиям хозяйствования - малых этнических групп и женщин. Выводы автора по этим группам сводятся к следующему: “Особенности адаптации этнических групп могут служить основанием для проведения дифференцированной социально-экономической политики в многонациональных районах, в местах компактного проживания национальных общностей” (с. 101). “В условиях реформ сельские женщины оказались наиболее незащищенной социальной группой. Несмотря на это, и среди сельских женщин формируется когорта, готовая (пусть на когнитивном уровне) быть свободной, независимой в хозяйственной деятельности и нести полную экономическую ответственность за свою деятельность, открыть собственное дело, работать на частном предприятии” (с. 110).

Заключительный раздел книги посвящен самоидентификации сельского населения. В главе седьмой исследуются представления населения о социальной структуре сельского социума и саморазмещение сельского населения в социальном пространстве, соотношение ментальных и реальных социальных позиций сельских жителей. Восьмая глава посвящена проблемам социальной идентификации сельского населения. Здесь рассматриваются: самоидентификация сельского населения; значение производственного коллектива как объекта идентификации сельского работника; саморазмещение в пространстве новых хозяйствующих субъектов. Финальные выводы данного раздела книги выглядят так: “Основными механизмами, формирующими идентичности сельского населения, являются изменения форм собственности и форм хозяйствования на селе; социальное расслоение общества; формирование в сознании сельского населения негативного образа “новых русских” и “новых богатых”; нарастание процессов отчуждения социальных групп; изменение механизмов социальной мобильности и социальной стратификации общества; дифференциация возможностей разных групп для социального продвижения. Резонно предположить, что в условиях нестабильного социума и транзитивной экономики механизмы формирования новых общественных солидарностей и идентичностей отличаются от тех, что протекают в стабильных обществах” (с. 135).

Подводя итоги реформирования перспектив аграрного сектора России, З.И. Калугина определяет четыре парадокса российской аграрной реформы:

1. Экспансия мелкотоварного производства.
2. Неэффективность “капитализации” аграрной экономики (вместо неэффективного государственного сектора получили неэффективный частный сектор).
3. Проводимые реформы не только не содействовали формированию рыночного сознания, но практически разрушали трудовую мотивацию.
4. Аграрные преобразования привели к обнищанию сельского населения, деградации социальной сферы села. Последний парадокс автор развивает в терминах социальных эксклюзий.

Среди причин этих парадоксальных неудач аграрной реформы З. И. Калугина отмечает: насаждаемую сверху модель аграрных отношений, игнорирование ценностных предпочтений сельского населения, неиспользование социального потенциала, имевшегося к началу реформ; традиционность реформаторской “технологии” советского типа; неготовность большей части директорского корпуса работать в новых условиях; неготовность государственных структур к масштабам и скорости проводимых реформ.

Тем не менее, З.И. Калугина выделяет и положительные следствия реформ:

1. Становление новых форм хозяйствования и многоукладной аграрной экономики, зарождение конкуренции товаропроизводителей на аграрном рынке.
2. Расширение экономической самостоятельности хозяйствующих субъектов АПК.
3. Расширение социальных свобод.
4. Зарождение рынка земли.
5. Формирование класса собственников в деревне.
6. Зарождение рыночного сознания.
7. Повышение социальной активности населения.

В финале книги, размышляя о социальных ресурсах возрождения российской деревни, автор выделяет комплекс мер для социальных механизмов оздоровления аграрной экономики. К этим мерам З.И. Калугина относит: опору на доминирующую систему ценностей населения; приведение масштабов и глубин преобразований в соответствие с наличием в обществе социальной, экономической и правовой базы; разумное сочетание коллективных форм с частной инициативой; для оздоровления ситуации на сельском рынке труда разработку специальной программы строительства новых рабочих мест в сельской местности, включая социально-бытовую сферу.

Переходя к некоторым критическим замечаниям в адрес книги, отметим досадную полиграфическую оплошность – встречающееся несоответствие сносок в тексте – выходным данным списка цитируемых произведений в конце книги.

С содержательной точки зрения приходится отметить, что автор практически не расшифровывает и не поясняет термин “реформаторы”, хотя часто “реформаторов” упоминает и критикует. Итак, кто эти “реформаторы-анонимы”? – кабинеты министров 1990-х годов? Либеральные идеологи в сфере сельского хозяйства? Каковы основные научные и административные труды, идеи “реформаторов”? Квалифицированный читатель об этом, конечно, может догадаться на основе собственного научного опыта. Но интересна именно авторская точка зрения на феномен “реформаторов” и “реформаторства” сельского хозяйства России 1990-х годов.

К недостаткам следует отнести неравномерность освещения и исследования вопросов аграрной реформы в книге. Но эти недостатки в настоящий момент представляются объективно неустраняемыми в нашей аграрной социологии из-за фрагментарности нашего знания, связанного с несистематичностью, локальностью современных аграрных исследований. И в целом книгу З.И.Калугиной следует признать ценным и своевременным исследованием – важной вехой в развитии аграрной социологии современной России.